

Любимая актриса простых людей Италии

Яркие, запоминающиеся образы простых женщин из народа, созданные Анной Маньяни, принадлежат к наиболее значительным достижениям итальянского кинематографа послевоенных лет. Не случайно поэтому возрождение интереса к творчеству замечательной киноактрисы, наблюдающееся в наши дни в Италии, спустя почти десять лет после ее смерти.

ФАУСТО ДЖАНИ

«ПАЭЗЕ СЕРА», РИМ.

Вечером 26 сентября 1973 года по итальянскому телевидению демонстрировался последний из четырех полнометражных фильмов с Анной Маньяни в главной роли (режиссер Альфредо Джанетти). За несколько минут до начала фильма в выпуске последних известий была сообщена трагическая новость — вечером того же дня не стало Наннареллы (так любовно прозвали итальянцы Анну Маньяни. — Ред.). Так, премьера картины «1870 год» превратилась для всех в печальное прощание с любимой актрисой.

Даа дня спустя, в слишком суровый и холодный для сентября день, состоялось ее отпевание в церкви Санта Мария sopra Минерва. На площади перед церковью сгрудились тысячи людей, но далеко не всем удалось пробраться к этому месту: огромная толпа почитателей таланта Маньяни заняла все близлежащие улицы вплоть до площади Пантеона.

Среди участников печальной церемонии было немало тех, кто часто видел, как она ночью

выносила к развалинам площади Арджентина пищу для бездомных кошек. Это был исконно римский люд: владельцы мелких овощных или рыбных лавок с рынка на Кампо деи фьори, обитатели римских пригородов, тяжкую жизнь которых показал Пазолини в фильме «Мамма Рома», и те, кто, наверное, так же, как и она в фильме Жана Ренуара, мечтал стать обладателем золотой кареты...

Но потом вдруг наступила полоса забвения: все знаменательные мемориальные торжества и ретроспективы 70-х годов посвящались дивам и кинобожествам всех времен и народов, но только не ей. Об Анне Маньяни, которую трудно было бы назвать дивой, но которая обладала действительно божественным дарованием, почти не вспоминали. Это был период, когда в Италии вновь обратились к направлениям и жанрам, к которым до тех пор относились с пренебрежением и которые были преданы забвению, — киноэпопеям с бесконечными атрибутами ложной роскоши, рассчитанным на слабоумных, комедиям и душещипательным мелодрамам в

голливудском стиле. От неореализма в то время в Италии практически отвернулись, а это означало также и забвение Анны Маньяни, которую расхожие представления связывали исключительно с неореалистическим периодом в истории итальянского кино, неким якобы второстепенным искусством, предназначенным для простонародья.

В прошлом году, однако, произошел некоторый сдвиг. Почти одновременно вышли в свет две биографии актрисы. Основная их заслуга состояла в том, что они вновь привлекли внимание к такому значительному явлению, как Анна Маньяни. И, наконец, сейчас произошло «возрождение» великой актрисы. В Цирке Массимо состоялся большой вечер, посвященный Наннарелле, на котором демонстрировались три из четырех телефильмов Джанетти и документальный фильм бельгийского режиссера Крис Вермокен «Я, Анна Маньяни», в котором сделана попытка воссоздать образ актрисы на основе документальных кадров и отрывков из фильмов с ее участием.

Правда, нужно сказать, что

Анна Маньяни в фильме «1870 год».

«Паэзе сера», Рим.

программа этого вечера была несколько странной. Почему-то вместо самых значительных ее фильмов было отдано предпочтение документальной ленте и телефильмам, хотя известно, что Маньяни ненавидела телевидение больше, чем кто бы то ни было («тебя все время загоняют в какие-то круги, очерченные мелом, из которых ты не должна выходить»), — постоянно жаловалась она).

Эти работы для телевидения, однако, были последними для Анны Маньяни. В начале речь шла о шести киноновеллах, повествующих о жизни итальянских женщин в наиболее значительные моменты итальянской истории — от периода объединения страны вплоть до сегодняшнего дня: крушение идеалов Рисорджименто, период массовой эмиграции, первая мировая война, фашизм, Сопротивление и, наконец, наши дни. Фильмы о фашизме и эмиграции так и остались неосуществленными.

Как уже было сказано, Наннарелла не любила телевидение, хотя оно постоянно и настойчиво «ухаживало» за ней. Ее любовь с самого начала и до последних дней была отдана кино и театру, несмотря на то, что и там обходились с ней достаточно некрасиво. Так, итальянское кино вынудило ее «выйти на пенсию» в 1965 году, а если уж и предлагало сниматься, то в совершенно чуждых ее индивидуальности или второстепенных, незначительных ролях. Это и вынудило ее решиться на работу для телевидения.

С начала съемок — это был 1968 год — сразу начались сложности и проблемы. Маньяни и слышать не хотела о специфике телевизионных фильмов, которая, как она считала, слишком ограничивала и ущемляла ее актерскую свободу. Эта работа была очень трудной как для нее, так и для Джанетти и всей труппы. По окон-

чании съемок Маньяни, однако, заявила, что удовлетворена всеми четырьмя фильмами, в которых она создала образы, вобравшие в себя черты всех лучших и самых любимых ее героинь.

Маньяни всегда боролась за уважение к себе, за право быть такой, какой она хотела, против навязывания ей какого-либо постоянного амплуа. Однако в памяти зрителей остался прежде всего самый прекрасный и глубокий из образов, созданных ею, — собирательный образ простой женщины из народа, которая живет по законам души и сердца, и который вошел в жизнь миллионов итальянцев вместе с заключительной сценой фильма «Рим — открытый город», когда она бежит за немецким грузовиком с криком гнева и боли, а вслед раздается роковая пулеметная очередь...

И все-таки она хотела — и умела! — быть актрисой широкого творческого диапазона. Это доказывают ее триумфальные гастроли, имевшие повсеместно успех, ее тесные творческие связи с Теннесси Уильямсом, печальным певцом жизни окраинных южных штатов Америки. Это доказывает, наконец, ее огромный успех на эстраде, особенно когда она выступала с великим Тото (известный итальянский комический актер, которого советские зрители знают, в частности, по фильму «Полицейские и воры». — Ред.), вызывая шквал аплодисментов в зрительных залах...

Маньяни, так же как и Тото, постигла печальная актерская участь: оба они оказались «закупоренными» в одних и тех же ролях. Это лишило их возможности выразить в полной мере и во всей многогранности свою актерскую личность, наделенную в равной степени комическим, трагическим, но прежде всего глубоким поэтическим даром.